

Д. БАЛАШОВ

ВЕРНУТЬ ЖИЗНЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ РЕМЕСЛАМ!

«Значительно увеличить во всех союзных республиках производство на предприятиях местной промышленности высококачественных товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода, а также изделий производственного назначения. Развивать художественные промыслы».

(Из Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966-1970 годы).

Помните замечание Карла Маркса о том, что средневековый ремесленник был одновременно художником, а фабричный рабочий стал простым придатком машины? Наступление капитализма ознаменовалось уничтожением ремесленных производств.

История не впервой выплескивает с грязной водой и ребенка. Вместе с малопродуктивными способами изготовления обиходных предметов погибло массовое народное прикладное искусство.

Мнение искусствоведов-специалистов и мнение массового потребителя в эту эпоху резко расслоилось. «Потребитель» равнодушно бросал многоцветные неизносимые домашние льняные ткани ради дешёвого магазинного ситчика, ученый-этнограф собирал брошенную «за ненадобностью» красоту и помещал ее в музей.

И сейчас можно с гордостью за науку, за ее неутомимых подвижников, сказать, что ученые, спасавшие некогда «старье», глядели далеко вперед. Ныне побеждает их правда - ремесленное изделие в ином качестве, в качестве изделия художественного, начинает интересовать уже не только специалиста, но и «потребителя». Изделие начинает продаваться.

Вот уже пятнадцать лет в Польше действует творческое и хозяйственное объединение «Цепелия», которое поддерживает народные художественные

ремесла и продает их продукцию в специализированных магазинах на родине и за рубежом. Начали же они с того, что с помощью этнографов и искусствоведов помогли кустарям возродить художественные ремесла в их традиционной стилевой чистоте. Затем была налажена продажа ремесленных изделий, а позже - параллельно с работой кустарей - промышленное производство тканей, мебели, посуды, основанное на народных образцах.

Сейчас «Цепелия» объединяет 17 тысяч человек, из них 10 тысяч кустарей-надомников. Общий чистый доход предприятия - один миллиард злотых. Продажа ремесленных изделий да рубежом приносит стране изрядное количество валюты.

Ныне это объединение диктует вкусы, даже моды. Часть средств оно начало отпускать на возрождение традиций народной песни.

Пример Польши не единичен. Европейец, пережив увлечение «машинной цивилизацией», все охотнее обращается к кустарным изделиям, которые становятся серьезным источником доходов и валютных средств целого ряда стран.

А теперь время вздохнуть, ибо мы переходим к делам Отечественным. Оговоримся сразу: наша страна - Союз Советских Социалистических Республик - по своим возможностям в этой области, является едва ли не самой перспективной. Мы, русские, также можем похвастаться чрезвычайным изобилием, в недавнем прошлом, народных художественных ремесел, самых различных. Некоторые из них успешно развиваются и сейчас. Но все же общее положение очень плохое, и поговорить о причинах этого пора всерьёз. Тем более, что подобный разговор уже начат советской печатью.

Как-то в Москве я зашел в Кустарный музей (ныне Музей народного искусства), соблазненный афишей, извещающей о выставке деревянных изделий Горьковской области.

В свое время я не любил точеных хохломских расписных и золоченых чаш, мисс и братин. Теперь мне странно даже вспомнить давнишнее свое нелюбие. Ярko сверкающая, писаная травами сахарница стоит у нас на столе,

и мне радостно видеть, заходя в магазин, полки, заполненные чудесной, хохломской посудой, радостно, бывая в гостях, находить хохломскую вещицу почти в каждом доме, в каждой семье... Не устарел, не пошел на умаление старый народный промысел! Полной творческой жизнью живет он, искусно меняется: в последние годы мастера, приспособившись к яркому электрическому свету, сменили красные фоны росписей на черные. Вещи оттого стали изящнее, тоньше. В старой-то избе, при скудном свете, мрачен был бы черный: ярким красным горели тогда хохломские чаши, богатые в скудном свете свечей и керосиновых ламп...

Горьковская выставка была вверху, а в нижнем зале музея сохранялась обычная экспозиция - «всем сестрам по серьгам».

И тут меня встретили те же расписные мисы, но за ними потянулось тонкое узорочье Палеха - крестьянский ювелирный аристократизм, - а там: набойки, ковань, кружево, резьба, кость...

Над экспонатами - фотографии... Круглолицая девчушка улыбнулась, закусив кисточку; два старика, истовых, в окладистых бородах, склонились над расцветающим узорочьем; девушка, со взбитой модной прической и упрямым решительным лицом, уставилась в натянутую перед нею ткань; пожилая женщина, в ситцевом, в горошек, платье и платочке, - ни дать ни взять птичница или свиноводка с фермы, - ласково щурясь, держит на руках... нет, не поросенка, не курицу-хохлатку, а круглый жбан, расписанный сказочными жар-птицами и удивительными цветами. А там мрачные, закутанные до глаз в темные платки старухи-горянки тонкой кистью наводят на пятнистые, розово-серые кувшины призрачный, поседевший от тысячелетий узор. Цвет можно узнать, благо кувшины - вот они, стоят рядом, внизу.

Фотографии потрясают. Чем? Вот эти-то, обычные люди, мужики и бабы, и - искусство? Великое, волшебное?! Да, именно они - старики в косоворотках и простеньких пиджаках - знаменитые художники, мастера, хранящие заветы веков. Мужики нижегородские, ярославские, вологодские,

костромские. И то вот, - сокровищами Аладина нагроможденное серебро, в узорах, чью законченность нельзя изменить, - то тоже делали мужики, только из дальних краев - с Кавказа, из Дагестана.

С трудом отведя взгляд от драгоценного оружия, перехожу к соседней витрине. Вот и наша северная чернь!

Это «наша» следует объяснить. Нет, дело не в географическом патриотизме. «Русский Север» - понятие, родившееся даже не в прошлом столетии, а гораздо раньше. Культура Севера, действительно, особая. Дух Великого Новгорода еще реет над нею, и даже изделия многоразличных северных промыслов, если попытаться представить их себе обобщенно, чудится, окрашены в некую общую, им одним свойственную, опалово-дымчатую гамму. Тут и сероватый блеск жемчуга, и отраженная им неяркая ласка северного неба, зимний рисунок леса и «чернь по серебру», вологодское кружево и кружевная белизна снегов, и сходная с кружевом матовость холмогорской кости... Пожалуй, только вятские «круто» выходят из этой гаммы. Впрочем, что я! А атласные сарафаны, золотые, алые, вишневые наряды печорских красавиц, бело-красные браные вологодские полотенца, расписные туеса?

И все же... Даже в парчовом златотканном великолепии Север смотрится хранителем древней тайны. Сдержанность, задумчивая тишина белых ночей лежит на всем, что создали северяне, будь то зодчество, песни или изделия художественного ремесла.

Искусство черни - старинное и сложное. Не думайте, что так уж просто покрыть серебро чернью. Она не боится ни жара, ни кислот. Серебряную пластинку вы можете гнуть, как угодно: чернь не отлетит, не даст трещин. Навыки изготовления черни совершенствовались из поколения в поколение.

Ревниво сравнивал я великоустюжскую чернь с серебром Кубачи и Гоцатля. Да, кое-где измельченность, потеря стиля. Грустно взлетающие фейерверки парадных кубков обескураживают. Но в чарках попроще живет еще, тлеет великое мастерство прошедших веков.

Серебрящую вещь не часто покупают, может, раз в жизни купят покрытый чернью серебряный портсигар, ларчик, стопку или набор ложек. Тем более точен должен быть узор - единственный на всю жизнь.

Выставка не скажет многого, но не всё благополучно в делах артели, если правительство Российской Федерации собирается принимать экстренные меры...

Организационную сторону - подготовку кадров, подчинение, снабжение сырьем, сбыт - наладить могут, конечно, только государственные органы. Но что касается характера художественных поисков, тут подсказывать должны специалисты и общественность - стиль никакими комиссиями не улучшить.

Поглядим на узоры. Вот стопки. Набор из трех чарок с крупными декоративными цветами - хорош. А рядом - «современная тематика»; памятник космонавтам, флотилия «Слава» во льдах... При огромном тщании труд затрачен впустую. Это гораздо менее декоративно, чем блюдо с тремя прелестными тетеревами, - почти сказочными жар-птицами, - с удивительным переходом живого изгиба птичьего тела в орнамент; «фотографическая» современность вообще противопоказана прикладному искусству. Стиль платков с клеймами, изображающими гостиницы, далек от всякого искусства.

Изменение фонов в хохломской росписи с красных на черные гораздо более современно, чем прямые изображения современников на посуде. Это эстетический закон, и всякое его нарушение мстит за себя. Мстит, кстати, очень просто и ощутимо: рублем, прекращением спроса.

Мне могут возразить: а как же виды Великого Устюга на серебряных изделиях? Виды те были не просто виды, а изображения архитектурных памятников, которые сами по себе уже являются произведениями искусства, сами орнаментальны. «Современность», понятие очень и очень относительное. Многие виды современного искусства всегда были посвящены прошлому, или язык их был отвлечен, условен: опера и балет,

например. Прошрое, изображенное сейчас, есть факт современности. Палехские шкатулки с тройками рождены Революцией, и истинная современность их будет измеряться эстетическим совершенством, а не тем, современны ли сани, и можно ли писать красных, синих и зеленых коней? Можно. И даже нужно. Иначе стиль миниатюры разрушится. Фотографичность и фотографическая схожесть убивают всякое искусство, а искусство прикладное только и возможно в рамках стилизации и сказочности. Только стилизованная и сказочно трансформированная современная натура может стать эстетически приемлемой на изделиях прикладного ремесла. Это доказали палешане: в лучших работах Вакурова, Голикова, Буторина и других мастеров есть и прямая «современность», но эстетически совершенно преображенная, ставшая орнаментальной в полном смысле слова.

Устюжанам можно посоветовать на первых порах очень крепко взяться за изучение своих же традиций, а затем искать вдохновения на путях развития традиционного.

Кстати, продукция артели идет преимущественно за границу. Последнее время вообще поговаривают о переводе ряда отечественных промыслов исключительно на экспорт. Едва ли это правильно. Разумеется, продавать за границу надо. И надо продавать во много раз больше, чем сейчас, но делать отдельные промыслы работающими исключительно на экспорт - нельзя. Народному искусству необходима связь с народом. Хотя бы часть продукции любого промысла должна продаваться на родине. Иначе наступит перерождение и даже вырождение стиля, а там - падение спроса и смерть промысла.

Все сказанное еще в большей мере относится к холмогорской кости. Представленные на выставке - а ведь там лучшее - изделия холмогорских косторезов бедны до странности. Будто вся красота осталась где-то в старине.

Индустриальный пейзаж, с грубо изображенными кранами и трубами

на кости, - выглядит жалко и дешево. «Ненцы» - подражание якутской тематике и стилю, и - плохое подражание... Ничтожный узор и грубоватая прорезь... Мисочка из зуба кашалота, с узором, что скорее пристал дешевой деревянной безделушке: ряд ногтевых выемок полукруглой стамесочкой, и волнистые ободки по краям... Чуть намеченный плоский рельеф на теле толстого декоративного стакана-цилиндра из куска бивня. Память подсказывает: китайская форма,- только там это делают много лучше. В резьбе по краю - «северная» тематика и... потери декоративности. Вдруг появляется обидная мысль, настолько узор «дешевит» материал. Да кость ли это? Спросил: - Не пластмасса? - Кость!

Что случилось с холмогорцами?

Невольно я разговорился с научной сотрудницей музея.

- Они пробуют, ищут, не надо уж так добивать! Вот, пробуют гравировку, плоский рельеф. Преодолевают измельченность 1950-х годов...

Да, я помню эти будто кружевные кубки, с портретами маршалов и клеймах. Но все же там был хоть технический блеск, это были безусловно дорогие изделия, пусть и специально выставочного характера. Но помню и старинные изделия XVIII столетия, мебель, выложенную холмогорской костью...

Беда в том, что изделия холмогорцев плохо продаются, да и кости мало, Министерство местной промышленности РСФСР не может наладить снабжение, хотя это и не так трудно. Режут ведь не только на мамонтовой и моржовой - в дело идет и зуб кашалота, и цевка, и воловья кость (трубчатая кость рогатого скота пилится на пластины). Но и этой кости мало. Тут уже ничем не объяснишь ее отсутствие.

Раньше холмогорцы подчинялись главному управлению бытового обслуживания... Вообще эти многообразные «подчинении» одно из главных зол. В конце концов все искусство забивает «вал», «план»,- и вот, вместо Гжельской керамики - кирпичи, а какая-нибудь знаменитая строчечная артель начинает шить трусики. Массовая продукция холмогорцев - шпильки,

мундштуки, бусы, игольницы, мелкие коробочки. Для всей этой продукции есть могущественные конкуренты. Мундштуки в моде из дерева и янтаря. А бусы? Из чего только их не делают! С этой стороны Устюг в лучшем положении: черненые ножи, ложки, запонки, портсигары, подстаканники имеют твердый сбыт. Может быть, холмогорцам стоит смелее пробовать наборные из кости узоры на больших предметах? На мебели, например.

На выставке есть коробочки, комбинирующие кость с деревом. Это интересно. Там только зеленая протравка слишком ядовита. Над цветом бьются, и пока еще краситель не найден. На одной из таких коробочек резная вставка: «сатирические» дед с бабкой. В том, как это сделано, чувствуется опять стилевой просчет, я бы сказал, потеря достоинства.

Не призывая вновь к измельченности, хочется повторить одно: узор обязательно должен быть богаче материала. Как и изделие из серебра, косторезная вещь - редкость, и исходить нужно именно из этого. А в поисках - все же стараться возрождать традиции, не 1950-х годов, а тех времен, когда искусство холмогорцев было именно прикладным.

Вообще говоря, изделие художественного ремесла пропадает, когда теряется назначение предмета. Кувшин может, конечно, стоять для украшения на буфете, но он должен являть все свойства настоящего. Кувшин, уменьшенный против истинных размеров, чем-то напоминает крохотные лапки. Несколько подобных безделушек на туалете уже производят неприятное впечатление. Среди устюжских изделий на выставке была крохотная серебряная посуда. Очень хорошо сделано, но... ребенку не дашь играть серебром, а в общем-то это детская посуда для кукол...

Показательной была недавняя выставка современной грузинской керамики. В газетах писали о грузинской чеканке по металлу, а на керамику не обратили внимания. А между тем она чрезвычайно интересна тем эстетическим подходом, который выработали грузинские художники-прикладники. Их сосуды и чаши истинных, «народных» размеров. Другое дело - керамические быки: они огромны, но зато один такой бык в доме украсит

комнату, даст лицо квартире, и не затеряется где-то на письменном столе, меж чернильницей и пепельницей, или на туалете, за банкой с кремом, где уместно быть именно ювелирному изделию, приспособленному для «места сего», а не изделию, нарочито уменьшенному.

Но предметы прикладного ремесла не терпят увеличения. Помню, ужасно выглядели увеличенные в четыре раза «тематические» полотенца в одном из музеев. Подобную вещь я увидел и на этой выставке, когда от серебра перешел к кружеву. Вологодское кружево - поэма, писать о нем нужно особо, и выставлять не так, конечно, как это было сделано - по недостатку места - здесь: два-три предмета в витрине, да огромное кружевное панно на стене.

Рядом остановились мать с двумя девчушками. Одна, постарше, школьница, авторитетно заявила, глядя на панно: «А это покрывало - на барский стол!»

Не изучив никаких теорий о прикладном искусстве и явно не зная ни о каких критических статьях, она просто, по естественному чувству, - по смыслу, что всякое изделие художественного ремесла, это изделие бытовое, - стала прикидывать, а для чего нужно, куда бы оно могло пойти, это громадное, с цветной ниткой в кружеве «покрывало»? Ну, конечно, на барский стол! Это остроумное детское решение как-то подтолкнуло меня к ясному осознанию фактической бессмысленности изготовления предметов индивидуального «музейного» плана.

В самом деле, обычай делать на выставку нечто, отличное от рядовой продукции, в 1930-е годы принял характер опасного заболевания, еще усилившегося в годы послевоенные. Для выставок стали делать не просто лучшие изделия, но изделия совершенно особого плана, не имеющие связи с традиционной продукцией промысла. Вроде той, воспетой Ильфом и Петровым, авторучки в рост человека. Восточные ковры с портретами вождей и картинами вместо традиционного узора; полотенца «Урожай»; кружева с трактором; вазы «Космос»... Всё это губительно сказывалось на

стиле, портило традиции, вкус. А рядом - план, «вал», ускоренный выпуск ухудшенных вещей «серого профиля», которые, естественно, плохо продавались, что давало возможность говорить об «убыточности» кустарных изделий,

Вал и - «покрывала для барского стола»!.. Мать не возразила девчужке, только спросила: - Как? – Дочка пояснила: - Под низ покрывали цветное, а сверху кружево!

Бытовая вещь должна иметь и бытовой смысл. Где же они, бытовые вологодские кружева, что с ними?

Плетение кружев в вологодской' области идет на убыль. Крестьянки сейчас вяжут, и кружева эти гораздо грубее и беднее плетеных. Впрочем, традиции еще живут. Лет пятнадцать назад, в городе Кириллове, одна девушка мастерица говорила мне: «Обычные-то плести просто, а вот мелкие, «валанцè», те трудно, глаза слезятся, устают». Я сообразил, что «валанцè» это «валансьен» - название всемирно знаменитых лучших французских кружев, и посмотрел на девушку с изумленным уважением.

«Хранительницей традиций» плетеного кружева является вологодская артель, теперь фабрика, производственное объединение «Снежинка», подчиненное министерству местной промышленности.

- Плохо со сбытом, работают, ищут новое, - сказала мне сотрудница музея.

Мне кажется, что эта фраза, слишком часто употребляемая при всех случаях кризиса той или иной артели, нуждается в переделке, и вот какой: «Ищут новое, и потому плохо со сбытом». Кружево сейчас в моде. Правда, есть дешевое, машинное, но раз «модно», всякий захочет, все-таки, купить ручное кружево. Не говорю уж о том, каким спросом пользуется вологодское кружево за границей. Так что говорить о принципиальной невозможности сбыта кружев нельзя. Надо разобраться: а почему не берут, в чем причина? Может быть, искать надо не «новое», а старое, и не только искать, сколько возрождать традиционное?

ВОПРОС ЭТО ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ. Каждое искусство имеет свою специфику, темы, применение, свой «предмет», как любят говорить наши эстетики. Так вот «предмет» прикладного искусства - традиционное.

Художественное ремесло тоже меняется, но оно меняется веками, прочно сохраняя лучшие традиции. Гениальность в ремесленных изделиях является не как акт личного творчества одного, а как итог работы многих мастеров, во времени и пространстве связанных воедино общностью стиля. Всякий поиск, не лежащий в русле традиционного, неизбежно оказывается в этом виде художественной деятельности - неудачей, падением, подчас - катастрофой.

Два-три поколения «ищущих» могут убить и привести к прекращению любой, самый значительный художественный промысел, даже если «ищущие» сплошь гении. Ибо талант одного мастера никогда не сравнится с совокупной гениальностью народа.

И еще одно условие чрезвычайно важно для жизни прикладного ремесла, это «воздух мастерства». Он «держит» каждого отдельного ремесленника, не давая ему выпасть из стиля.

В этом отношении показательна судьба каргопольской глиняной игрушки.

«Вятские расписные» ныне знамениты на весь мир. При желании, можно найти и срывы в продукции Дымковской артели, опасную «массовость», и однообразие, которого не было в работах представителей старшего поколения, но все же промысел, переболев всеми бедами, вплоть до того, что его объявляли «некультурным», утвердился, попал в систему художественного фонда, и стал знаменит настолько, что, пожалуй, даже в самом городе Кирове о нем знают. (Это не шутка! Увы, до сих пор в России мировое признание родного искусства часто приходит раньше, чем признание его ближайшими районными деятелями).

Про глиняную каргопольскую игрушку не знает почти никто. Производят ее в деревне Гринево Печниковского района, близ Каргополя.

Никогда не было там артели, но были мастера, была, и есть сейчас, старушка Ульяна Бабкина, которая делала, как сообщает Юрий Арбат, свои «писанки» тайно от фининспектора и сбывала перекупщикам за гроши: по пятаку штука, Был мастер Дружинин, ныне покойный. Его игрушки, сделанные в 1930-х годах, украшают одну из витрин Кустарного музея... Живет брат покойного мастера, другой Дружинин, старик.

В витрине, рядом с вятской, мажорной, каргопольская звучит приглушенно. Цвета у нее сдержанные, основной тон серый, видимо - мел с сажой. Лица остаются белыми. Другие цвета - оранжевый, черный - комбинируются с серым в спокойную гамму. Роспись неяркая, но милая, ласкает взор мягкостью цветовых сочетаний. К игрушкам надо присмотреться. Вот мужик с рожком или трубкой во рту, бородатый гармонист, медведь, дующий в рог, ездок на диковинном звере - с головой собаки и крыльями бабочки... Глаза и рот у фигурок - три черных черточки та белом круглом лице. Как ни странно, в лицах есть характер, своеобразная выразительность.

- Что же там в Каргополе сейчас?

Сотрудница музея извлекла из шкафа коробку с глиняными фигурками. Да, то же, да не то! Это Дружинин, брат покойного мастера. Фигурки огрубели, стали чуть больше, и оказалось, что малейшее нарушение размеров уже губительно. Исчез серый сдержанный фон. прямо по белому - красные, синие, черные линии и пятна, аж рябит в глазах. Грубая назойливая яркость. Последнее нововведение - масляная раскраска - сделала игрушку вообще страшной.

В чем дело? Что случилось с мастером? Ну, ладно, брат был способнее. Но ведь в центрах ремесла изготовлением художественных изделий занимались все жители подряд. Не были же они все талантами!

Отдельного мастера держал стиль. Ремесленник повторял традиционное. Талант - совершенствовал традицию. Так держалось народное искусство. Когда мастер остается один, от него уходит главное: воздух искусства, традиция. И мастерство падает, гибнет, или перерождается.

Сходную картину – тоже на выставке - я наблюдал много лет назад. Нам, группе экскурсантов, с торжеством показывали работы «последнего» мастера глухой резьбы, который состоял на каком-то специальном обеспечении. Технически все сделано великолепно, но стиль... Это была резьба, трансформированная в стиль барокко, или даже рококо. Кудреватый, изощренно мелкий и капризный узор никак не напоминал богатую, но спокойную, крупно-рельефную резьбу волжских домов и барок. Исчез коллектив, и уже не помогло высокое мастерство. Подобный мастер, в этом случае, оказывается в гораздо худшем положении, чем профессионал, так как стиль профессионального искусства ему все же чужд, и в новой для себя области он - лишь робкий подражатель...

То, что, верно для мастера, верно и для артели. Оторвавшись от традиций, она подписывает себе смертный приговор. Помочь ей в этом случае может ученый-этнограф. Опыт Польши, начавшей деятельность «Цепелии» с возрождения традиций при помощи ученых, поучителен. Нужно, и как можно скорее, нацелить мастеров на возрождение своего традиционного стиля. Это немедленно даст и ощутимую прибыль, так как увеличится сбыт. Можно ручаться, например, что каргопольская глиняная игрушка прежнего характера нашла бы не меньший сбыт, чем вятская.

КАК НИ СТРАННО, едва ли не хуже всего дело обстоит сейчас на Севере с деревянными промыслами.

Казалось бы, дерево сейчас в моде. Изделия из него входят в быт. Оно дешево, общедоступно. Кому-кому, а уж русским северянам (русским и карелам - в Карелии, русским и коми - на Печоре) не занимать умения обработки дерева. До сих пор солонки, шкатулки, ложки, туеса печорцев, например, просто потрясают. Вряд ли и мезенские, и обонежские, в вологодские, и двинские мастера менее рукомеслены! А между тем...

В течение многих веков ценились русские изделия из капа. Ценились недаром.

Кап, или кап-корень - наросты на березе. (Собственно кап - наросты на

стволах, а наросты на корнях зовут корень, но обиходное кап-корень применяется к тому и другому). В каповом наросте слои древесины перевиты самым затейливым образом. Поэтому кап чрезвычайно прочен и труден для обработки. Изделия из капа практически вечны: они не колются от ударов, не лопаются от жара, не разбухают от воды. Когда-то из кап-корня точили посуду на Мезени. Чашки эти, прекрасной традиционной формы, шли по всему Северу. Печорцы и сейчас пользуются ими. Видал я и черпаки из кап-корня, и большие круглые ваганы.

Недалеко от Кирова, в деревне Лопатно, работает небольшая фабричка по выделке изделий из капа - «Идеал». Продукция ее идет на экспорт. Это ларцы, папиросочницы, шкатулки, портсигары, пудреницы, декоративные вазочки. Шкатулки повторяют формы русского ампира. В сре-занных углах, в удлинённых формах, твердых гранях и безупречной полировке гладких стенок еще живет александровский классицизм. Вазочки плохи, не найдена форма. Все в целом производит впечатление холодноватости и безупречной... бедности. И зеркальная отделка не всегда выручает! Народные формы изделий изгнаны, их нет вовсе. Тут традиция уничтожена, и даже не знаешь, была ли она когда? Впрочем, и ампира - традиции, но надо, не теряя достигнутого, разнообразить ее, посмотреть старинные каповые вещи.

Сейчас на фабрике плохо с сырьем. В Кировской области нет капа, кончился. Ну, а в Архангельской? А в Карелии? Что, тоже нет капа? Будем честны, его попросту не заготавливают! Почему бы не обязать леспромхозы, - да, да, попросту обязать, директиву издать, или что еще, - собирать кап-корень. И складывать его. «Склади́ровать», как нынче говорят. Кап - это валюта. В XVI-XVII веках каповые изделия оправлялись в серебро, кап стоил тогда наравне с диковинным привозным кокосом. Дорогое удовольствие - выбрасывать кап в числе прочих безмерно великих «отходов» нашей лесной промышленности!

И все-таки стоит подумать над изготовленным из капа не только мелких

ювелирных вещей, а и крупной посуды, так, как это делают хохломчане. Причем, если лаковая миска в какой-то мере декоративна, то в каповую без опасу можно наливать и сметану, и квас, и варенье, и горячее, и холодное, что угодно - все выдержит этот замечательный материал.

Участь капа разделяет и карельская береза. В Пушкинском Доме, Институте Русской литературы Академии наук, в секторе древней русской литературы, стоит объемистое кресло с высокой твердой сплошной спинкой, выгнутой полукружием. В кресле этом, по преданию, сиживал дедушка Крылов. Вся спинка, подлокотники, ножки этого кресла целиком облицованы карельской березой.

Сейчас в Петрозаводске пробуют наладить выпуск сувениров из карельской березы, чего-то добиваются, ищут, не находят... А тень дедушки Крылова усмехается в кресле Пушкинского Дома, и в умных глазах загорается огонек - вот-вот басню сложит, только, пожалуй, не всякий редактор эту басню напечатает...

Совсем погубили Шемогодский берестяной промысел. В чем дело? Кому он так помешал? Почему у нас с таким недружелюбием относятся ко всякому ручному художеству?

Помните эти прелестные ларцы и туески из берестяного кружева, с подложенной под него цветной фольгой? Работали их на реке Шемоксе, притоке Северной Двины, в селе Курово-Наволоок, недалеко от Великого Устюга. Была и в Устюге артель имени Островского, сейчас закрытая. Юрий Арбат начинает свою статью в «Литературной газете» (номер от 19 февраля 1966 года) эпитафией этому замечательному промыслу. А мастера еще есть, пишет он, живут! Но промысла нет. Артель передавали сорок раз разным хозяевам и, «утомясь», прикрыли.

На Печоре, на ее притоке, реке Пижме, умирает сейчас местный ложечный промысел. Я, кстати, убежден, что ремесленное изделие, это не только сувенир, не только безделушка, или экспонат для домашнего музея. Печорская солонка стоит у нас на столе с солью, а деревянными ложками мы

едим. Деревянная ложка удобнее металлической тем, что она не греется, и не обжигает губ. Кроме того, и есть ею приятнее. металл неприятен для рта, для зубов. Широко известны расписные хохломские ложки. Но они неудобны - стишком велики, такими ложками хлебают. Кроме того, лак быстро слезает, съедается. Печорские ложки меньше, с гнутой, очень удобной рукоятью, тоненькие. Они не лакируются, а, видимо, пропитываются вареным маслом. Техники я не знаю, но ложка имеет матово-янтарный цвет и никогда не облезает. Легкий узор протравлен по дереву. Мастера продают эти ложки по двадцать копеек, это им невыгодно, и промысел глохнет. Могли бы, мне кажется, при налаженном сбыте продавать и по тридцать-сорок (железная никелированная ложка стоит шестьдесят копеек), или же наоборот, не повышая цены, частично механизировать труд, и снизить себестоимость. Больше того, я абсолютно уверен в заграничном успехе печорской ложки.

На той же Печоре держатся о сю пору расписные лубяные коробки. Роспись проста, но превосходна: крупная, отличается великолепной декоративностью, отлично смотрится. Лубяные короба делали на реке Уфтьюге, на Северной Двине. Никогда этот промысел не был объединен в артели, никем не поддерживался, а жаль. Изделия этого плана могли бы найти сбыт и сейчас.

Совсем пропала резьба, а какие были резные прялки! Залюбуешься! Делали их повсеместно. Отпала необходимость в прялках, умерло искусство. Так оно и не перешло ни на что. А ведь вот сумели же палешане от икон перейти к ларцам из папье-маше! И получилось!

В последние годы люди начинают опоминаться от гладкой мебели. Воодушевление, с каким еще недавно восклицали: - «Ах, ее так удобно вытирать!» - проходит, и красота резного дерева вновь заявляет о своих правах. На Западе сейчас за крестьянской резьбой - погоня. Стоило бы и нам подумать над тем, неужели нельзя употребить в дело веками отобранные узоры с прялок и вальков? Я вот сделал книжный шкафчик и дверцы покрыл геометрической резьбой, взяв узоры с прялок без всяких нововведений. Пока

еще никто из моих друзей не сказал, что это некрасиво, наоборот, приходится выслушивать лишь разные степени восхищения. Узоры эти в самом деле удивительны. Они не бросаются в глаза, но гляди на них годами - не надоест. Найдена та мера, которая делает народный узор гениальным.

Мебельная промышленность Карелии выпускает стандартные столы, шкафы и стулья, в коих полностью отсутствует «местный колорит». Что, нельзя? Эпоха не та? А вот в Эстонии, в Латвии почему-то та эпоха, и каким успехом пользуются их изделия по всему Союзу! Тут не хочется даже давать конкретных советов: надо поехать, походить по избам, понять, что и как можно перенять, возродить, заимствовать или переработать...

Спрашивается, почему в таком печальном положении находятся именно дешевые, то есть массовые художественные промыслы? Уж кажется, скорее бы должно быть наоборот!

Виной тому опять же наша установка на музейность, выставочность изделия художественного ремесла, на его редкость, а значит, дороговизну. Упустили главное - применение прикладного искусства в быту. Между тем именно теперь, в наши дни, чрезвычайно увеличились возможности использования ручных изделий в обиходе.

Строй жизни, простота современной мебели, ее стандартизация, небольшие размеры комнат требуют некоего уравнивающего и оживляющего начала, требуют присутствия рукомесла в доме. Недаром в современных художественных изделиях прикладного характера художники стремятся к нарочитой примитивности, показу необработанного материала, искусственной «неискусности» рисунка; якобы невольным потекам и кривизне сосудов.

Честно сравнивая, надо сказать, что у художника-профессионала декоративизм получается много хуже, чем у народного. Даже сравнивать трудно. Установка на «оригинальность» губит на корню модернистскую безделушку. Условности народного изделия - это вековой отбор самого общего, самого верного. Это высочайшая степень художественного обобщения.

Условности же абстракционистов - торопливая «стилизация по стилизации», с обязательной потерей чувства меры и соскальзыванием в примитивную грубость. Успехи приходят только к тем, кто имеет мужество обратиться к народной традиции, и обратиться с уважением, с полным пониманием безмерных глубин вековой культуры...

Грузия, Прибалтика и здесь решительно обгоняют нас. Один только штрих: ковры. Латвия, например, давно производит ковры в духе народных. Старый «восточный» ковер не для современной малогабаритной квартиры. В ней уместнее, - пусть это не покажется странным, - многоцветный вологодский половик-дорожка. Может быть, чуть шире (или много шире), может быть, чуть красочнее. В ряде финских семей Петрозаводска принято класть сейчас подобные половики в городской квартире. Получается прекрасное сочетание с современным стилем! Кстати, Финляндия - одна из стран, диктующих современный стиль в архитектуре и мебели. То, что финны, и там и у нас, не чураются таких вот сочетаний, очень показательно.

В самом неприглядном состоянии находится карельская заонежская вышивка, в прошлом - интереснейшее искусство. Сейчас это хиреющая фабрика, плохие ткани: белый полулён выглядит жалко. Были же домотканые чистые льняные ткани! Почему же их не выпускает промышленность?.. Искусство шитья утрачено. Где северные сарафанные ткани, полотенца, скатерти, столешники, белые с красным, браные, и с шерстью, и многоцветные - всякие? Это же опять был самый массовый промысел... В поминальник напрасно загубленных промыслов следует записать и глиняную керамическую посуду. В Никольском районе Вологодчины были приняты цветные потечные глазури. Можно бы здесь, на основе живых традиции, производить интересные вещи - традиционные кувшины, кринки, топнички, латки.

В наших рассуждениях мы постепенно от промыслов редких, требующих высокой квалификации и рассчитанных на определенную группу покупателей, перешли к промыслам массового характера, где художественное отступает на второй план перед чисто бытовой, утилитарной ценностью

изделия. Где-то здесь начинается грань, за которой пойдет уже такая продукция: ушаты, решета, щетки и многое другое. Разговор об этих промыслах особый, и здесь мы касаться их не будем. Однако надо сказать, что как раз сейчас подобная связь особенно ощутима. Художественные промыслы можно возродить на основе принятого правительством решения о привлечении колхозников зимой к кустарным промыслам. После многих лет запрещений или полузапрещений, наконец, найдено верное и мудрое решение.

В самом деле, запрет был неразумен. Из боязни «возродить кустаря», мы прекратили деятельность половины страны. Ведь кроме центральных черноземных губерний, весь Север и Поволжье занимались отходничеством. А какие интересные мастера во всех видах ремесел жили и трудились в северных деревнях! Трудно учитываемая работа давала стране массу вещей: решета, дуги, рогожи, посуду, сани, телеги, лодки, даже корабли и прочее и прочее. Ряд предметов обихода вообще никогда не делался крупными фабриками. Индивидуальное мастерство крестьянина проникало всюду, сглаживая многие недостатки распределения продукции. Но индивидуальный творческий подход - это как раз то, что особенно нужно для изготовления предметов художественного быта, игрушек и прочего, о чем уже шла речь. Раз есть решение о привлечении колхозников и рабочих совхозов зимой на сезонную работу, на производство кустарных вещей - тут-то и можно, тут-то и уместно возродить многочисленные народные художественные промыслы, - причем так, чтобы эти колхозы и совхозы сами занимались и сбытом своей продукции.

Но здесь необходимо разрешить только один финансовый казус. До сих пор производство народных художественных изделий рассматривается, как деятельность пресловутого «частника». Даже в художественной мастерской Петрозаводска, где изготавливаются сувениры, на изделие, выходящее тиражом свыше 1000 штук, накладывается налог в размере 50 процентов его стоимости. Дикая нелепость этого положения ясна всем. Объективно она способствует исчезновению высокохудожественных производств и

поощрению халтуры, способной «выдержать» подобное обложение. Дела не поправить, пока это положение не будет изменено.

Кроме тканья, вышивки, резьбы, изделий из дерева и глины, Север славился некогда медным литьем и работой по железу. В частности, прекрасное литье существовало в Заонежье: пуговиц, складней - по формам еще XVII столетия. В селах Беломорья до сих пор много медной посуды превосходных форм. А кованые вещи? Накладные замки и дверные ручки с поворотным кольцом просятся в музейные коллекции. Какое богатство на них узорочья, какая свободная и точная работа!

Когда-то на Севере делались ларцы, обитые кованым просечным железом, а в том же Устюге Великом - колыбели многоразличных промыслов - еще в 1930-х годах делали «мороз по жести». («Мороз по жести» - способ обработки раскаленной жести водой, купоросным маслом или олифой, после чего она приобретает красивый узор, схожий с морозным - белый, синий или коричневый). Мы совсем забыли, как это красиво. Вообще железо у нас не в чести.

Красота доставляет радость, и больше того: красота - необходимое звено жизни. Но она бывает разная, как разен духовный уровень людей, уровень их эстетического понимания. Низкопробные коврики, да кошки с бантиками; вышивки контуром и пропиловка по готовым, как правило, плохим узорам; в одежде - слепое следование за модой, без умения сообразить - что к лицу, к фигуре, а что нет; все это еще бытует на фоне очень недавнего и очень высокого художественного вкуса наших крестьянских предков. Такое положение тревожит.

Еще недавно ручной труд, ручное ремесло было окружено презрением. Только сейчас понемногу люди начинают приобщаться к рукомеслу, начинают резать, выпиливать, мастерить, но им явно не хватает хороших образцов настоящего подлинного народного искусства.

Долгие годы мы жили культом машин. Машины будут делать все, человек - нажимать кнопки. Это было неверное убеждение. Машина должна

освободить человека от механической, однообразной, тяжелой, словом - нетворческой работы. Смысл развития цивилизации не в уничтожении труда (работа мускулов биологически необходима человеку), а в том, чтобы труд творческий, труд-искусство, занимая всё большее место в жизни человека. Поэтому и ручное, ремесленное создание прекрасного отнюдь не анахронизм, не провинциальность. Сейчас, образно выражаясь, средневековый ремесленник подает руку человеку будущего, который тоже будет художником и творцом, а не безликим придатком машины.

В заключение хочется подчеркнуть, что речь идет не только о воспитании вкуса, - и сейчас это, пожалуй, даже главное, - но о серьезном источнике государственных доходов. Экономическую разумность развития народных художественных промыслов доказывать уже нечего. «Опоздавшие», мы глядим сейчас, как зарабатывают на этом другие страны.

В общесоюзном масштабе народные промыслы – это солидные суммы только валютных поступлений. В масштабе русского Севера это могло быть солидной прибавкой к доходу иных районов, учитывая исторические навыки, стиль, традиции, количество населения, нужду в занятости в зимнее время. И постоянная утечка бюджетных средств за пределы областей (хроническая беда Карелии!) могла бы прекратиться, и поток этот повернулся бы в обратную сторону, если бы успешно работали народные художественные промыслы.

Расчеты, пускай самые приблизительные, нетрудно сделать уже сейчас. Возьмем Карелию. Она теперь, как и весь Север, становится популярным объектом туризма. За год республику посещают до 150 тысяч человек, и количество это растёт с каждым годом. Но и 150 тысяч - это уже четверть населения Карелии! Каждый из приезжих хочет увезти на память что-то местное, чего он нигде больше не найдет. Вот первый гарантированный источник сбыта продукции художественных ремесел, и первый источник дохода, в том числе валютных поступлений, поскольку в Кижии, например, приезжает множество зарубежных туристов.

Ну, а Вологодская область? Она богата памятниками архитектуры,

которые могут ее прославить не меньше, чем Кижский погост Карелию. Продукция вологодских художественных ремесел заслуженно знаменита. Шемогодская береста, кружево, устюжские промыслы и многое другое - могли бы заметно изменить бюджет области. То же можно сказать и про Архангельскую область, и про Печору...

Начинать нужно, разумеется, так же, как это сделали в Польше: с научного анализа состояния промыслов, и рекомендаций ученых - как вернуть лучшее, наиболее традиционное, то, что составляло славу каждого из них.

Хочется повторить при этом уже сказанное в статье: предмет ручного ремесла должен и может находить сбыт не только, и не столько, в виде безделушки-сувенира, но и в виде практического предмета, одновременно красивого и нужного в обиходе семьи - ковра, накидки, покрывала, мягкой меховой обуви, половика, ларца, сундука, чашки для питья, солонки для соли, ложки для еды, кувшина для молока, мебели, тумб для обуви... Именно тогда продукция художественных промыслов станет по-настоящему массовой и высокодоходной статьёй в хозяйственном обороте всего Севера.

Дело это важное, нужное и «дорогое». Здесь слово за руководящими и финансовыми органами, которые могут дать идее возрождения народных художественных ремесел Севера деловую путевку в жизнь; к этому нас и призывают строчки Директив XXIII съезда КПСС, с которых мы начали сегодня свой разговор.